

СТРАТЕГИЧНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Тезисы

Петр Щедровицкий

Президент
Института
развития им. Г.П.
Щедровицкого,
член правления
Фонда «Центр
стратегических
разработок
«Северо-Запад»

В ситуации глобальных перемен принципиально важным является не только обсуждение сутевых вопросов (куда мы идем и где окажемся), но и вопросов технических, методических и методологических (как именно мы осуществляем свое движение). В рамках системо-деятельностного подхода – оригинальной советской и российской интеллектуально-практической философской школы – сформировано свое понимание и свои подходы к осмыслению стратегии как формата обеспечения развития или, шире, формата осуществления личного или коллективного действия. Высокая сложность соотнесения многих индивидуальных целей и задач с целями «стратегов» из числа лиц, принимающих решения, ставит под вопрос саму возможность стратегирования в ситуации коллективной мысле-деятельности.

1

Подход, в рамках которого мы будем рассматривать понятие «стратегии»

Для начала обозначим подход, в рамках которого мы будем рассматривать понятие «стратегии».

Понятие «стратегии» принадлежит к кругу представлений о «действии» и «деятельности» наряду с такими понятиями, как «цели», «средства», «планы», «проекты», «замыслы» и т.п. Из этого вытекает ряд следствий касательно его смысла и способов употребления, а также характеристик самих «стратегий» и их места в человеческой деятельности. О некоторых из этих смысловых особенностей мы скажем ниже.

В рамках системо-деятельностного подхода, адептом которого я являюсь, для общего обозначения категориального статуса всех названных единиц и аспектов деятельности используется термин «организованности». Любая «вещь», принадлежащая миру человеческой деятельности, должна рассматриваться в нескольких измерениях: во-первых, с точки зрения тех процессов мышления и деятельности, в которых она возникает, используется, функционирует и «умирает»; во-вторых, с точки зрения тех функций, которые она играет в этих различных процессах; в-третьих, с точки зрения той морфологической структуры, которая возникает как след реализации подобных функций и их специфического набора; и, наконец, в-четвертых, с точки зрения особенностей материала рассматриваемых организованностей деятельности, которые могут быть как соразмерны, так и не соразмерны процессам и обусловленным этими процессами функциональным требованиям к материалу (различным типам материала) деятельности.

Необходимость рассматривать любую организованность деятельности – в том числе «стратегию» – в этих четырех уровнях составляет основу оригинальной трактовки системной методологии, разработанной в Московском методологическом кружке в 1960–1970-е годы под руководством моего отца, Георгия Щедровицкого.

2

Что мы понимаем под «стратегиями» и «стратегированием»?

Если попробовать выделить наиболее грубый специфический смысл «стратегии» и «стратегирования», то его стоит искать в специфических отношениях, возникающих между «целями» и «средствами» в контексте замысливания и реализации сложной деятельности.

Мы знаем, что в любой сложной деятельности для достижения той или иной конкретной цели обычно приходится осуществить не одно действие или операцию, а много различных действий или шагов, которые лишь в своей совокупности могут привести к конечному желательному для действующего результату или состоянию дел. Это означает, что действующий должен несколько раз ставить и достигать так называемые «промежуточные» цели.

Эти «промежуточные» цели и осуществляемые для их достижения действия в этом случае сами могут рассматриваться как средства с точки зрения движения к конечной цели.

Другими словами, «стратегия» и «стратегирование» задают определенный тип отношения к целям самого действующего как к средствам достижения некоей конечной цели. Выбранная конечная цель в силу такой логики приобретает самодовлеющее значение, другие, «альтернативные», цели по большей части исключаются из рассмотрения, а получение заложенного в стратегию результата рассматривается как более ценное для деятеля, чем затраты любых ресурсов на промежуточных этапах.

Если использовать введенное понимание «стратегии», то мы увидим, что момент «стратегичности» присутствует в той или иной степени практически в любом действии. Большинство целей, которые ставит перед собой человек, обычно носят промежуточный характер. Мы делаем что-то, чтобы иметь возможность на следующем шаге делать что-то еще, другое. Временной горизонт, в котором мы планируем свои будущие действия, может быть достаточно глубок. Даже в том случае, если часть далеких целей мы не можем здесь и сейчас четко сформулировать, они присутствуют в нашем действии как гипотезы, ожидания или надежды, определяя инструментальный характер промежуточных целей.

Франко Моретти дает очень хороший культурно-лингвистический анализ текста романа Даниеля Дефо о жизни Робинзона Крузо на необитаемом острове. Он отмечает, что весь текст пронизан глаголами, обозначениями действий, которые вынужден осуществлять Робинзон, выстраивая из них длинные цепочки промежуточных этапов и шагов. Будучи поставлен в специфические условия выживания на необитаемом острове, он «плетет» сложные нити целей-средств, делая что-то, чтобы на следующем шаге сделать что-то другое, чтобы затем получить возможность сделать еще один шаг.

С этой точки зрения можно сказать, что Робинзон Крузо поставлен в условия, где он вынужден иметь «стратегию». Стратегирование есть условие его выживания. Ошибка в планировании, отсутствие в нужное время и в нужном месте результатов предшествующих действий, которые можно использовать как средства для достижения целей следующего уровня или следующего этапа, – может оказаться причиной гибели – от голода или в ходе конфликта с аборигенами.

3

Когда и как в Европейской культуре появился термин «стратегии»?

Слово и термин «стратег» пришло к нам из греческого языка. Если исходить из доминирующей версии хронологии мировой истории, оно родилось около 500 г. до н.э. Перво-

начально оно означало особый статус, которым наделялись наиболее успешные в управлении и военных искусствах граждане греческих родов-государств на время войны. В этот период у них появлялась возможность сконцентрировать в своих руках не только военную силу и распоряжение ею, но и финансовые, а при необходимости и судебные полномочия. В ситуации постоянных войн к «стратегу» или «стратегам» переходило и текущее управление – в том числе в межвоенный период.

Смысл термина «стратегия» первоначально использовался для описания действий военачальника. Последний, чтобы привести армию к моменту сражения с противником в максимально готовое к бою состояние, – должен был рассчитать число необходимых дневных переходов,

выбрать для ночных стоянок наиболее удобное и защищенное место, обеспечить войско провиантом и оружием, а также по возможности сделать все это неожиданно для противника.

Тот, кто осуществлял все эти промежуточные действия и достигал промежуточных целей успешно – с тем, чтобы достичь главной, итоговой цели – победы в военной кампании, – получал звание «стратега», или «стартига». Аналогичный смысл этот термин имел и в Византии, где стратегами называли руководителей фев, то есть военно-административных единиц Империи, концентрировавших в своих руках большое число различных полномочий и ресурсов.

Мой коллега Александр Зинченко, перефразируя моего отца, у которого учился, любил повторять, что «стратегия» нужна только «стратегу», то есть тому, кто осуществляет определенный тип действия и принимает необходимые для этого решения.

Вместе с тем уже в этой исходной ситуации появления исходного смысла деятельности «стратега» и «стратегирования» – управленческой и социально-политической ситуации жизни греческого полиса, города-государства в мирное и военное время – присутствуют корни по крайней мере двух проблем, осмысление которых составило линию эволюции понятия «стратегии» в последующие две с половиной тысячи лет.

Первая из этих проблем носит логический или методологический характер – она связана с нашим способом размышлять о действии и деятельности.

Вторая проблема связана с принципиально коллективным характером любой человеческой деятельности; аспекта, от которого мы на первом шаге сознательно абстрагировались, рассматривая нашего героя – действующего и планирующего свое действие человека – как живущего на необитаемом острове и осуществляющего эти действия вне коммуникации, взаимодействия и кооперации с другими людьми.

Остановимся для начала коротко на первой проблеме.

4

Что значит «иметь стратегию»?

Мы начали свое рассуждение с того, что понятие о «стратегии» принадлежит кругу представлений о действии и деятельности. Однако в деятельности существует существенное различие между тем, что можно «видеть» из позиции самого действующего, и тем, что «видят» другие позиции. Среди них можно указать по крайней мере две: позицию «партнера» и позицию «внешнего наблюдателя». Более того, даже рассматривая «точку» или «угол зрения» самого действующего, необходимо всегда учитывать различия между видением, возникающим в процессе непосредственного осуществления действия, и тем по-

ниманием и смыслом, которое действующий может сформировать в рефлексии своего действия.

Непосредственно действующий обычно схватывает и конечную и промежуточные цели на интуитивном уровне. Конечная цель для него не только обычно существенно отстоит во времени, но и может носить расплывчатый характер, зачастую представляя собой лишь «движущийся горизонт», к которому он стремится. Соответственно, и промежуточные действия и их цели, а также инструментальный характер их достижения на пути к конечной цели будут во многом носить интуитивный и поисковый характер. Именно такой тип действия – регулируемый исключительно ситуативными факторами и в силу этого хаотичный, опирающийся на частное и частичное знание деятелем обстоятельств его действия – вполне может быть описан в метафоре «проб» и «ошибок».

Даже для «партнера» весь этот набор явных и скрытых целей и подцелей, «проб» и ошибок, вся эта иерархия планов в большинстве случаев является непонятной и недоступной. Именно поэтому так редко можно встретить «команду», реализующую общую стратегию. Стратегия как временное измерение сложного действия – есть достояние самого деятеля, «лица, принимающего решения», а не тех или иных внешних наблюдателей.

Тем более – в основных областях применения стратегирования, которыми и сегодня в основном остаются сфера военных и военно-политиче-

ских планов и действий. В них, как легко догадаться, стратегия не только не афишируется, но и специально скрывается, а реальные конечные и промежуточные цели камуфлируются не только от противника, но и от ближайшего окружения.

Именно поэтому вопрос о том, есть ли стратегия у той или иной организации, корпорации, тем более, у той или иной страны – вопрос, задаваемый обычно из позиции наблюдателя, – как правило, носит праздный характер.

Я исхожу из того, что «первое лицо», независимо от масштабов возглавляемой им организации или проекта, всегда имеет «стратегию», то есть в соответствии с введенным представлением подчиняет процесс деятельности задаче достижения конечной цели и превращает промежуточные цели в средства на этом пути. Другое дело, что его представления о конечной цели, к которой надо стремиться, а также о шагах, ведущих к ней, может носить совершенно превратный характер. Также возможны ситуации, в которых реальной конечной целью «первого лица» и его личной стратегии является использование своего текущего положения исключительно для смены социального статуса или для концентрации в своих руках дополнительных полномочий или ресурсов.

По-другому выглядит процесс достижения цели для рефлектирующего и планирующего сложную последовательность своих действий, в том числе на основе своего или чужого удачного опыта, переведенного в соответствующие нормативные

описания действия или нормативные предписания по его осуществлению. В этом случае действующий имеет возможность рассчитать затрату ресурсов на достижение промежуточных целей, видит число необходимых шагов (стадий, этапов), может позволить себе проведение отвлекающих маневров, имеет в своем «меню» набор компенсирующих действий, если используемые не достигают необходимых результатов и не создают удобную позицию.

Не случайно, с этой точки зрения, и понятие «стратегии», и приемы и примеры стратегирования в основном до середины XX века развивались именно в военном искусстве, а соответствующие понятия до сих пор несут на себе печать этого опыта.

5

Возможно ли стратегирование в ситуации коллективной мысле-деятельности?

Обратимся теперь к анализу второй проблемы. До сих пор мы рассматривали «стратегию» как линейную цепь промежуточных целей-средств и шагов, предпринимаемых отдельным действующим человеком. Однако подобная идеализация игнорирует очевидно коллективный характер человеческой мысле-деятельности. Для осмысления деятельности «стратегирования» и «стратегий» этот факт имеет существенные последствия.

Стратегия нужна только стратегу, то есть тому, кто осуществляет определенный тип действия и принимает необходимые для этого решения. ...Именно поэтому так редко можно встретить «команду», реализующую общую стратегию.

С одной стороны, стратегирование всегда предполагает наличие второго участника взаимодействия – соперника или противника. Мы уже говорили выше, что стратегия родилась в военной сфере. Именно поэтому понятие стратегии и стратегирования несет на себя целый ряд смысловых нагрузок, связанных с представлениями о войне, борьбе и конкуренции. Даже в экономической сфере использование этого понятия неминуемо влечет за собой трактовку экономических процессов как соперничества, столкновения и даже «силового противостояния», а значит, как типа взаимодействия, развертывающегося в рамках модели «нулевой суммы».

Если выигрывает один, значит, неминуемо проигрывает другой участник подобного взаимодействия. Именно наличие подобных коннотаций заставляет ряд экономистов-теоретиков возражать против использования понятия стратегии в экономической теории и практике из принципиальных, в том числе ценностных, соображений. С их точки зрения, экономический процесс в большей степени строится по моделям совместного выигрыша всех участников процесса – с учетом различия их интересов и позиций в хронотопе взаимных перспектив.

С другой стороны, стратегирование и реализация стратегии, как мы пытались показать выше, имплицитно предполагает необходимость и возможность концентрации ресурсов на достижении промежуточных и конечных целей. Когда речь идет об отдельном деятеле – своеобразном

Робинзоне Крузо, реализующем свои планы на воображаемом необитаемом острове, – такая концентрация ресурсов и трактовка всех промежуточных целей как средств достижения конечной цели понятна и даже, возможно, оправдана. В конечном счете речь идет об индивидуальных приоритетах и деятель волен сам принимать решения, что и почему для него сегодня имеет большую важность.

Совершенно иначе ситуация начинает выглядеть, если в орбиту его действия вовлечены другие участники, которые могут иметь и обычно имеют совершенно другие временные горизонты, цели и интересы. Тогда ситуация в целом приобретает парадоксальный характер. Достижение «стратегических целей», формулируемых с позиции доминирующего участника – стратега, достигается за счет того, что все остальные участники сложного процесса деятельности должны отказаться от своих собственных целей. Добровольно или вынужденно они отказываются от своих целей и интересов для достижения некой конечной цели «стратега», не лежащей в их временном горизонте.

Что касается «стратега», то он может при разработке и реализации стратегии игнорировать подобное различие целей и рассматривать других участников процесса с их целями как средства достижения «своих» конечных и необходимых промежуточных целей.

Как мы уже сказали, такое понимание «пуловинной» связано с областью происхождения понятия – военной и военно-политической сферой. Именно в ней отдельные люди

не только являются средствами для достижения цели победы в войне, но и в силу ряда социокультурных и психологических обстоятельств готовы рассматривать самих себя в таком качестве.

Однако онтологический статус подобной трактовки, естественно, всегда вызывал сомнения не только общефилософского, но и прагматического толка. Концентрация усилий человеческих общностей, тем более больших, на достижении одних и тех же по содержанию целей – редкое и недолговечное явление. Как писал Лев Толстой, нельзя «долго стоять на цыпочках».

6 **Метафора Лиддела Гарта: «малая» и так называемая «большая» стратегия**

Для преодоления этой проблемной ситуации в начале XX века в работах теоретиков военного дела вместо линейной схемы «конечная цель – промежуточные цели как средства» была предложена уровневая модель. В рамках этой модели промежуточные цели также продолжали рассматриваться как условия достижения неких «конечных» целей, но при этом они становились «средствами» в более «высоком» уровне иерархии, сохраняя свое качество целей в своем аутентичном уровне иерархии. Благодаря использованию этой модели появилась возможность разделить внутри стратегирования так называемую «большую» и «малую» стратегии.

Как мы уже отметили, эти размышления стали модными в первой половине XX века и во многом несли на себе ценностный акцент переосмысления роли и смысла войны в современном мире. Война в целом, как и достигаемые с ее помощью территориальные и как следствие контрибуционные и налоговые перераспределения, перестала рассматриваться как эффективный метод решения политических и экономических задач. Военные действия стали повсеместно трактоваться как уровень «малой стратегии», а политические или социально-экономические задачи – как уровень «большой» и в этом смысле объемлющей стратегии.

В качестве онтологического и морального основания подобной трактовки использовались представления о роли государства в процессах экономического и политического развития, в том числе – о возможностях мобилизации и консолидации распределенных между различными субъектами действия ресурсов для достижения целей, выходящих по своему масштабу и сложности за рамки каждого из них по отдельности. Именно поэтому Лиддел Гарт, ссылаясь на Типельскирха, в предисловии к своей книге о «большой стратегии» 1960 года ввел определение стратегии как «масштаба действия».

Другими словами, первым шагом любого стратегирования и любой «стратегии» как управленческого документа стало рассматриваться «масштабирование» тех или иных конечных целей в соответствующих контекстах – например, в рамках рыночной конкуренции или межгосу-

дарственных отношений, – а промежуточных целей и привлекаемых ресурсов – в хронотопе их достижения.

7 **Стратегия во второй половине XX века**

Эта схема «уровней» и трактовка целей нижележащего уровня в качестве средств вышележащего в дальнейшем легла в основу переноса понятия «стратегии» и практики стратегирования в сферу корпоративного управления. Этот трансфер идеологии и технологий стал разворачиваться после Второй мировой войны и к середине 1970-х годов приобрел массовый характер. Практически каждая крупная компания в той или иной форме ввела в свою повестку дня вопрос о разработке стратегии – продуктовой, рыночной, региональной (или нескольких региональных), технологической и т.д.

Поскольку в практике корпоративного управления вопрос о «жизни и смерти» ее сотрудников не может быть напрямую поставлен на повестку дня, основным механизмом консолидации ресурсов на приоритетных направлениях развития стало возросшее по отношению к средним показателям финансирование отдельных проектов. Стратегические цели и принципы оценки проектов, направленные на выявление среди них «стратегических», стали фиксироваться в специальных документах, многие из которых получили публичный характер – по крайней мере, на уровне самих компаний.

Прошло без малого 25–30 лет, когда к концу XX века выяснилось несколько любопытных моментов. Во-первых, оказалось, что в практике деятельности крупных компаний реализуется не более 10% так называемых «писанных стратегий». Во-вторых, обнаружилось, что сама по себе консолидация финансовых ресурсов не может рассматриваться как достаточное условие для обеспечения прорыва по приоритетным направлениям. В-третьих, опыт крупных компаний показал, что каждодневное принятие управленческих решений на различных этапах корпоративного управления осуществляется по совершенно другим основаниям, нежели заявленные в «писанных стратегиях» приоритеты и цели. И наконец, в-четвертых, стало понятно, что наличие или, напротив, отсутствие подобных документов мало влияет на успешность бизнеса.

Это, однако, не мешает крупным и средним корпорациям создавать в своей структуре соответствующие подразделения, осуществляющие разработку и актуализацию «стратегий», консультационным компаниям – предлагать подобную услугу на рынке, а государственным органам управления – формировать не только «стратегические рода войск», но и публиковать множество документов, имеющих в своем названии соответствующие термины и формулировки.

И хотя другие типы документов – например, так называемые «дорожные карты» – уже продемонстрировали свою большую эффективность, мода на стратегирование, по всей видимости, сохранится еще не один год. ■

Концентрация усилий человеческих общностей, тем более больших, на достижении одних и тех же по содержанию целей – редкое и недолговечное явление. Как писал Лев Толстой, нельзя «долго стоять на цыпочках».

Опыт крупных компаний показал, что каждодневное принятие управленческих решений на различных этапах корпоративного управления осуществляется по совершенно другим основаниям, нежели заявленные в «писанных стратегиях» приоритеты и цели.